

Театр одного живописца

Николай Сапунов в Третьяковской галерее

Коммерсантъ. - 2003. - 20 нояб. - с. 21.

ВЫСТАВКА ЖИВОПИСЬ

В Государственной Третьяковской галерее открылась выставка Николая Сапунова. Несмотря на то что художник прочно вписан в пантеон искусства Серебряного века, это практически первая музейная монографическая экспозиция Сапунова. Рассказывает ИРИНА КУЛИК.

Николай Сапунов был идеальным художником Серебряного века. Ранняя и случайная смерть (в 1912 году тридцатидвухлетний художник утонул в Финском заливе) остановила его накануне авангарда. Он учился у Исаака Левитана, Валентина Серова и Константина Коровина, участвовал в выставках «Мира искусства» и «Голубой розы» — именно он придумал фантастический цветок, ставший эмблемой этого художественного объединения, рисовал портреты Михаила Кузмина, дружил с Александром Блоком и Валерием Брюсовым, создавал декорации для спектаклей Всеволода Мейерхольда и Федора Комиссаржевского. Как и многие художники его круга, он был заворочен театром, бывшим тогда не только площадкой самых интересных художественных поисков, но и излюбленной темой философских и литературных спекуляций. Так что изрядную долю экспозиции в ГТГ составляют театральные эскизы, а многие произведения позаимствованы не только из собраний Третьяковки и Русского музея, но и из коллекции Бахрушинского музея.

Впрочем, и в собственно живописи Николая Сапунова предостаточно театральных мотивов — всяческий Пьеро и Арлекинов, карнавалов и ночей в опере. Собранные наконец в одной экспозиции, эти произведения позволяют понять, какой



Как ни посмотри, главные герои театра Николая Сапунова не персонажи, а сама живопись. ФОТО ВАЛЕРИЯ МЕЛЬНИКОВА

же фантастической и далекой от реальной сценической практики был этот театр, являющийся центральной темой Николая Сапунова.

Уже первый же Пьеро, встречающийся на выставке, выглядит откровенно гротескно. Персонаж в белом балахоне, горлающий под гитару, напоминает не меланхолического Жюль с картины Ватто, а пьяного ярмарочного зазывалу. Несмотря на то что Николай Сапунов постоянно работал для театра, любая сценическая реализация театральных фантазий, похоже, вызывает у него сомнения. Идеальный театр для него — явление иного порядка. Со сцены, открывающейся за распахнутым занавесом, на зрителя вают, как тесто из квашни, клубы некоей красочной субстанции. Иногда они принимают очертания кордебалета или живописной масовки. Но иногда художник даже не пытается придать этой феерической субстанции какие-то внятные контуры. Эскизы декораций к «Дон Жуану» или к «Кармен» изображают просто заполняющие сцену флуктуации красок и цвета: и попробуй перенеси это почти абстрактное виде-

ние на реальную сцену. Живопись Николая Сапунова функционирует так же, как его театр: картина исторгает на зрителя клубы красочной пены. И неважно, какие очертания примет эта живописная субстанция: балерин, цветущих яблонь, пышных букетов голубых гортензий, разряженной публики старинного галантного карнавала, гротескных гуляк в трактире или купеческого семейства за чаепитием. «Карусель» 1908 года (на выставке в ГТГ выставлены многочисленные эскизы и варианты этого произведения, считающегося главным опусом Сапунова) в этом смысле кажется чем-то вроде фантастической дымовой машины, с каждым поворотом обрушивающей на зрителя новую волну зрелища.

Творчество Николая Сапунова лишено как литературности и стилизаторства символистов, так и аналитичности авангарда. Его в общем-то не интересует ни про что картина, ни как она делается. Но именно поэтому его искусство — не безобидная декоративность мирискусников, а неукротимая, почти галлюцинозная феерия.